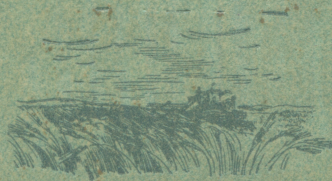

ХАНИФ КАРИМ

Две поэмы

уч-ся 1^{его} класса 80ой школы
от десятиклассника Паранюшкина
в знак дружбы и памяти о родной школе.

24.02.1957 г.

ХАНИФ КАРИМ

Две поэмы

*Авторизованный перевод
с башкирского*

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
Москва · 1955

„Золотой колос“

В ТИХИЙ ВЕЧЕР

1

Деревня. Ночь. Стоит июль.
Наполнен воздух тишью.
И с неба, от далеких звезд,
Лучи скользят на крыши.

Но почему бледны лучи?
А это очень просто:
Из всех окошек — солнца свет,
На всех воротах — звезды...

Повсюду тишь. И лишь в полях,
За бесконечным трактом,
Идет работа день и ночь,
Гудит негромко трактор.

Из темноты, из-за реки,
Тальянки звук всплывает,
И кто-то грустно там поет
И песню обрывает.

А у околицы, в саду,
С дневным расставшись шумом,
Стоят березы и дубы,
Своим предавшись думам.

Они зимою против бурь
Стеной стоят, не плача,
Чтоб летом слушать по ночам
Слова любви горячей. . .

Июльский сад. В тени ветвей
Цветут цветы на грядках,
И кажется, деревня вся —
Как в праздничных нарядах.

Уже заснули старики
На мягком теплом ложе,
А здесь веселый слышен смех,
Здесь — игры молодежи.

И вновь Назу, Гальябану
Припомнит тот, кто весел, —
Девчат хороших имена
Из наших старых песен. . .

Полночный сад. Земля в цвету.
Просторы голубые. . .
Уже затихло все в саду,
Осталось двое в том саду. . .
А кто ж они такие?

Ильяс мечтает о Райсе,
 Все бродит по тропинке.
 В кино приходит первым он,
 Ни разу вечеринки

Не пропустил. На танцы он
 Всегда берет билеты.
 На нем костюм оттенка «беж»
 И желтые штиблеты.

А ныне — смолк гармошки звук,
 И тут случилось чудо —
 Ильяс промолвил: — Взять слова
 Прекрасные откуда? . .

— Ищи их в сердце у себя, —
 Ответила бесстрастно. —
 Там, где есть правда,
 Там слова
 Обычные — прекрасны.

Ильяс, волнуясь, рвет цветы,
 Красу их восхваляет.
 Один из них на грудь Райсы
 Он приколоть желает.

— Я астру дам, коль ты возьмешь,
 Я розу дам, коль ты возьмешь
 И коли не забудешь,

А будешь только обо мне
Ты тосковать, горя в огне,
И сердцем помнить будешь!

Она в ответ: — Неужто мне
Цветы необходимы?
Красивей молодости я
Цветов не находила...

Как мотылек, что к огоньку
Летит, прельщенный светом,
Ильяс все около Райсы
Так и кружит с букетом.

Райса ему:
— Не ты весной
Работал тут на славу —
И разве ты дарить цветы
Теперь имеешь право?

Ильяс в ответ: — Да что цветы,
Что их благоуханье,
Когда останется от нас
Одно воспоминанье!..

Зарю, и звезды, и луну
Ильяс вплетает в песню.
Никто, пожалуй, песни спеть
Не смог бы интересней.

Он, к иве прислонясь, поет
О ночи, о прохладе.

«Ты полюби меня, Райса», —
Звучит в горящем взгляде.

Райса пытается уйти.
— Постой!.. — Мольба во взоре. —
Бывает редко, лишь весной,
Такое вот предзорье.

Пройдут года. Мы будем жить,
По юности тоскуя... —
Ильяс бы, верно, продолжал
И дальше речь такую,

Но прервала его Райса:
— Тоской столетней веет
От слов твоих! Кто светлый день
Отнять у нас сумеет?

Откуда взял ты те слова,
Из древних книжек?
Иль ты старик и из ума
Недавно выжил?

А сколько лет тебе, мой друг?
Открой мне карты.
А сколько в бороде твоей
Седин? Считал ты?..

Райса встает, идет домой,
Холодная, чужая.
Ильяс остался? Нет, идет,
До дома провожая.

Райса идет. Ильяс — левей.
Идти не смеет рядом.
Готов он провожать Райсу
Домой раз десять кряду.

Подходят к берегу они.
Все тихо и знакомо,
И только радио еще
Поет из окон дома.

Вот и ворота. Эх, Ильяс,
Напрасны ожидания!
Райса уже вошла во двор
И молвит: — До свиданья!

Он слышит легкий скрип дверей,
Открытых ею плавно...
— Сказал я столько нежных слов,
А не сказал о главном.

Должно быть, ключ никак найти
Не смог я к сердцу милой.
Неужто нет у летних звезд
Любовных чар и силы?

Ильяс уходит, весь горя.
Уж брезжит ранняя заря.
Не может долго он уснуть...
Тоска ему сжимает грудь.

Он мочит голову водой...
Ах, как ему обидно!

А сердце будто бы в огне,
Хоть пламени не видно.

Ильяс влюблен, теряет сон,
Ему к Райсе опять бы.
Он весь горит... Что станет с ним,
Коль будет так до свадьбы?..

РАЙСА

1

Но кто Райса? И где росла?
Где воду из ручья пила?
Какой тропинкою прошла,
Пока в один из добрых дней
Я не решил запеть о ней?

Райса Булатова идет:
Горит ведро эмалью,
Коса заплетена. Плечо
Прикрыто белой шалью.

Идет веселая Райса,
Сама весна, сама краса.
Куда ведро несет свое?
Решила полоскать белье?

Райса минует Красный Яр.
Бежит за нею пес Кашкар...

Пока идет она к реке,
Свернем обратно к дому,
И, продолжая наш рассказ,
Там подождем ее мы.

2

Вот дом родительский стоит,
Окутан тихим садом.
Взглянуть разок — и от него
Не оторваться взглядом.

Кусты черемухи растут,
Рябина и малина
Зеленой тянутся грядой
Вдоль всей ограды длинной.

В уютном доме — тишина.
На стенах — солнца пятна.
Цветы повсюду — хна, герань, —
Все чисто и опрятно.

Узорным кружевом кровать
Блестящая покрыта.
Подушки, словно индюки,
Нахохлились сердито.

На этажерках — книг ряды,
Простенок весь заставлен.
Всех выше красные тома —
Родные Ленин, Сталин.

Пониже — Пушкин и Толстой,
И Горький (рать какая!),
А рядом песни Гафури
И славного Тукая.

Стоят Мичурина тома —
Полет его дерзаний...
Здесь все, что дорого Райсе, —
Сокровищница знаний.

Пластинки здесь — «Урал», «Сакмар»¹
(Я их люблю, не скрою);
Райса заводит патефон,
Случается, порою.

А между окон, на стене
Висит портрет солдата,
Большой портрет ее отца,
Отважного Булата.

И повествует нам портрет
О подвигах героя,
Два красных ордена горят
Вечернею зарею.

Его теперь уж больше нет,
Он пал, и все ж не в силах
Живую славу погасить
Холодный мрак могилы!

---

¹ Башкирские народные песни.

Она жива, коль на фронтах
Сражался он с врагами
И коль к счастливой жизни шел
Широкими шагами.

И словно памятник ему —
Бушует сад веселый.
И шум и гомон потому,
Что, оглашая доли,
Бегут ребята в школы.

И, словно памятник ему,
Свет в каждом нашем доме,
И радость в смехе детворы —
В счастливой нашей доле...

...Хлопочет здесь Аскап-апа¹,
Она всегда в заботе,
Она по мужу топит скорбь
В своей большой работе.

Она натруженной рукой
Стирает пыль с портрета, —
И словно меньше вдруг печаль,
И словно больше света.

Здесь не всегда царила тишь,
Но ветры засвистели,
И восемь выросших орлят
Из дома улетели.

---

¹ А п а — почтительное обращение к старшей женщине.

Кто нам ответит: где они?
Об этом скажут письма:
В столице, в тундре и в степи —
На стройках коммунизма.

Ведут железные пути
Сквозь горы и долины.
Осталось трое сыновей
На подступах к Берлину.

Здесь не всегда царила тишь,
Но ветры засвистели,
И восемь выросших орлят
Из дома улетели.

Уйдет последнее дитя,
И мать останется, грустя.
Но кто покинет отчий дом?
Сейчас до этого дойдем.

3

Родная школа! Дверь твою
В последний раз закрыла
Райса. Но вспомнить о тебе
Всегда ей будет мило.

Куда б ее ни увели
Потом пути иные, —
Останутся в ее душе
Твои лучи родные.

В руках медаль и аттестат,
Но у Райсы забота —
Что сделать ей: пойти ли в вуз
Или идти работать? . .

. . . . .

Недавно спор шумел в саду.
Райса была сурова
И долго слушала друзей,
Не обронив ни слова.

Одна подруга говорит:
— Стать доктором хочу я.
С любой болезнью сладит он,
Простых людей врачуя.

— Пилотом — я! — сказала так
Другая, вся в веснушках,
Остановив лукавый взгляд
На девушках-подружках.

Ильяс вмешался в разговор:
— Мечта твоя нелепа.
Коль не боишься ты упасть,
Что ж, поднимайся в небо. . .

На то последовал ответ:
— Ты не гонись за славой, свет!
Боишься волка ты, Ильяс, —
Тебе на печке в самый раз!

И снова смех, и кто-то стал,
Не зная в споре меры,
Труд педагога прославлять,
А кто-то инженера. . .

Но было ясно для друзей,
Что в споре каждый равен,
Ведь труд любой в стране у нас
Почетен, нужен, славен.

4

Райса давно уже хранит
В душе одно желание:
Взрастить сады по склонам гор
И, выйдя ранней ранью,

Увидеть яблони, айву,
А в поле чтоб шумела
Пшеница колосом литым,
Вращенная умело,

Чтоб на уборку зрелых нив.
Направить все усилия
И чтоб колхозная жила
Деревня в изобилие
Во время отдыха, труда,
И в будни, в праздники — всегда.

... Райса не вслушивалась в то,
Что говорят другие.

Перед глазами у нее —
Сады, луга живые;

Пшеница колосом литым
Тянулась к солнцу, к свету...
Когда ж исполнятся мечты?
Скорей бы было это!

Однако знания нужны,
Они всему порукой!
Заставишь камни расцвести,
Коль подойдешь с наукой!

. . . . .

Райса, опять сложив белье,
Берет ведро свободно.
Пути, что нужно ей пройти,
Мечты, что будут на пути,
Влекут ее сегодня.

Райса минует Красный Яр.
За ней, конечно, пес Кашкар.
Вот дом. И мать навстречу ей:
Здесь двое ждут ее гостей.

Быть может, юноши-орлы?
Иль старики седые?
Давно ли знает их Райса
Иль видит их впервые?

А на столе — хлеб, масло, мед
И самовар бывалый...
Пора, друзья, вести нам речь
О двух гостях, пожалуй...

ДВОЕ ГОСТЕЙ

1

Хурмет — с седою бородою
Сидит, любитесь избою.
Он жизни опытом известен,
По праву он на лучшем месте.

Года идут, Хурмет спокоен,
И, словно дуб, могуч и строен.
Не может он, на хворь ссылаясь,
Жить, на печи весь день валяясь.

Хурмет — старик иного склада,
Любой работе сердце радо.
— Что мне лежать? Немного прока,
Лишь постареешь раньше срока. . .

А кто лежать имеет право?
Ведь жизнь идет у нас на славу, —
Она прекрасна, дела много, —
Стареть нам некогда, ей-богу!

Да и стареть — с чего бы это,
Когда повсюду столько света,
Когда в стране привольно правде!
Стареть? От этого избавьте. . .

И наш Хурмет и дни и ночи
Об урожай все хлопочет.

Сейчас сидит он, размышляя,
Пред ним дымитя
Чашка чая.

А вот сидит Багау рядом,
Он — богатырь с веселым взглядом.

В его плечах
Не меньше метра,
А взгляд его
Хороший, светлый.
На пиджаке, что выцвел малость,
Трех орденов следы остались...

Кто ж он такой, Багау этот?
В былые годы спал в кюветах,
Шагал в строю зимой и летом
И воевал за власть Советов.

Он помнит боевые даты:
Громил он Дутова когда-то,
И Колчака он бил в Сибири,
И, как солдат, мечтал о мире...

Вернулся он к родному месту,
Отстроил дом, нашел невесту.
Но жил отчизны всей судьбою
И вновь наполнен был борьбою.

Сказал:
— Немало мы страдали
И кровь за счастье проливали.

Совместно впредь работать будем,
Как научил нас Ленин, люди!

Он становился с каждым годом
Сильней — он был всегда с народом.
Отстроил школу для колхоза,
В кулацком доме ясли создал.

Он воевал за власть Советов,
Распознавал врага секреты, —
И хлеб закопанный нашел он,
Мечтой об общем счастье полон.

Пошли дела колхоза в гору, —
Ему любое дело впору.
Хурмет был первым неизменно,
И с песнею косил он сено.

И он, конечно, не случайно
Мог встать на мостике комбайна,
И убирать хлеба колхоза,
И торопить с зерном обозы.

Он мыслью смелой вдохновляет,
К высокой цели направляет,
Глядит вперед сквозь дни и годы
И окрыляет труд народа.

Везде ему
Почет в народе —
Его уму,
Его работе.

И он ведет
Колхоз по праву,
Ведет вперед,
Ведет на славу...

Сейчас парторг
Сидит, вздыхая.
Пред ним большая
Чашка чая...

Райса к Багау и Хурмету
Подходит скромно и с приветом.
Нельзя не сесть за стол с гостями,
Не потянуться за сладостями...

И начинаются присловья:
Как, мол, у вас дела, здоровье?
Как молодежь, мол, отдыхает,
Что думает, о чем мечтает?...

2

Хурмет не вдруг подходит к делу
(Он разговор ведет умело),
Сперва все больше о погоде:
Мол, стороной дожди проходят,
Мол, стороной проходят грозы,
Мол, не везет, друзья, колхозу...

Но хоть и жарко до обиды,
На урожай не плохи виды.

От прочих сильно не отстанем,
Но и героями не станем.
А без героев нам обидно,
Перед «Лучом» опять же стыдно...

...Глотнул Багау чаю с медом,
Добавил, как бы мимоходом:
— Не напугать нам землю. Ясно!
И умолять ее напрасно.
Лишь только труд всему порукой,
Пора в поход идти с наукой.
Взялась бы молодежь за дело,
Тогда б работа закипела.
Она с наукой подружилась
И знаниями вооружилась.
Пойдем войною на природу,
Изменим землю и погоду...

И на Райсу глядит при этом,
Как будто ждет ее ответа.

А у Райсы лицо спокойно,
И речь она ведет достойно,
Не медлит девушка с ответом:
— Все нынче думают об этом...

Хурмет доволен, но серьезен.
— Нужны герои нам в колхозе!
А без героев нам обидно,
Перед «Лучом» опять же стыдно...

Известно всем — в «Луче» герои,
Вчера один, сегодня двое!

Отстали мы в соревнованьи,
Повинны сами в отставаньи.
И нам нужны герои. Что же,
Дадим дорогу молодежи.
Хоть трудновато мне порою,
Я не отстану от героя.

Степенно льется речь Хурмета:
— Обдумай, доченька, все это.
В работе мы всегда поможем,
И на груди твоей, быть может,
На весь родной колхоз блистая,
Звезда зажжется золотая...

Райса немного покраснела
И отвечала, как умела:
— Не ищем мы, где место краше,
Идти вперед — задача наша...

И вновь течет беседа.
Багау мило это, —
Прием душевный самый,
Слова — от сердца прямо.

И молвит, мыслью вдохновленный,
Парторг с улыбкой оживленной:
— Чтобы невиданный доселе
Мы урожай собрать сумели,
Посадим мы дубы и клены,
Пусть они стеной зеленой
Путь преграждают суховеям.
А остальное мы сумеем!

Между Ак-тау и Бузатом¹
Украсим землю новым садом,
Пригорок, весь травой заросший,
Веселой сделается рощей...
Коль все поднимется, как нужно,
То закипит работа дружно,
И молодежь, поди, поможет...
Так, представитель молодежи? ..

Райса кивает головою.
Речь переходит на другое:
— В полях начнется жатва скоро,
Работы много в эту пору.

Собрать побольше надо хлеба,
Пока безоблачное небо.
Зернá в стране должны быть горы,
Мы в этом — прочная опора!
Поднимем нашу славу выше,
Пускай о нас везде услышат.

Уж чай остыл. И вечер близок.
Присели птицы на карнизы.
Прохлада за окном разлита.
...Слова нашлись, сердца раскрыты.

Хурмет с Багау поклонились,
Сказав «спасибо», удалились.

---

¹ Ак-тау и Бузат — названия гор.

Они теперь в дома другие
Пойдут, как гости дорогие,
Чтобы в колхозе все решили
Подняться на дела большие...

. . . . .

Сверкают стрелки циферблата,
Да со стены портрет Булата,
Глазами теплыми мерцая,
Глядит на близких, одобряя.

...Однако тишь царит недолго:
Райса оделась втихомолку,
И вот уже быстрее, чем птица,
Она к своим подругам мчится.

Летит... И шаль за нею вьется.
Летит... И сердце звонко бьется.
Спешит сказать о новых планах
И о мечтах своих желанных.

Бану с Гульсум — ее подруги...
А в тихий вечер по округе
Ильяс слоняется без дела
И о Райсе грустит несмело.

Райса — не та. И все читает.
И редко вечером бывает
Там, где земля дрожит от пляса,
Где ждут ее глаза Ильяса.

Ее порой увидеть можно
В полях — в бригаде молодежной,
А позже — в клубе или дома, —
Сидит она над новым томом.

В «Луч» ходит часто за советом,
Глядит внимательно при этом
И ищет на полях секреты
Его успеха и победы. . .

Но кто-то слух пустил, что вроде
Нашла красавца, к парню ходит.
Ильяса мучит эта боль,
Жжет, словно при порезе соль.

Но он таит надежду снова:
«А! Знаю я того, рябого.
Напрасно парень ожидает. . .» —
Себя он тешит, убеждает.

ПОЧЕМУ ОНИ НЕ ПОШЛИ НА ВЕЧЕР?

1

Познал немало наш Ильяс.
К чему ж пришел он?
В пяти артелях побывал
Он после школы.

Был баянистом приглашен
Работать в клубе,

Но духоты по вечерам
Ильяс не любит...

Шофером захотел он стать,
Раздумал вскоре:
Дороги осенью грязны,
Завязнешь — горе.

Беспечной жизни он искал,
Шли дни за днями.
Давно забыт читальный зал
С его томами...

Но устаешь и на пиру
От изобилья.
Ильяс устроился в сельпо, —
Почуял крылья.

Спокойно, чисто... Не найти
Работы лучше.
Опасность не висит над ним
Чернее тучи.

Рад наш Ильяс. Глядит вокруг
Хозяйским глазом.
Увидит девушек — готов
Обнять всех сразу...

. . . . .

Спросив совета у платка ¹,

---

¹ У женщин — «посоветоваться со своим платком», у мужчин «посоветоваться со своей шапкой» — значит посоветоваться с самим собой.

Гульби-старушка
Решила так: — Нужна, Ильяс,
Тебе подружка!

Тогда кукушке не искать
Гнезда чужого... —
Вот если б внука на руках
Держать родного!

Невеста славная одна
Есть на примете...
Дружна Гульби с Аскап-апа, —
Почти соседи.

«Ну что ж! Пожалуй, нам пора
И породниться...»
Идет Гульби к Аскап-апа
Мечтой делиться.

Аскап встречает на крыльце,
Стоит с улыбкой на лице.
За стол ведет,
Вот чай, вот мед,
И самовар
Гудит, поет.

Гульби заводит разговор:
— С тобой мы дружим с давних пор.
Что ж, справим детям свадьбу?
Давно пора сыграть бы!

Вам будет зять, невестка — мне,
Два пира справим.

И для младенца колыбель
В углу поставим...

Но говорит Аскап-апа:
— Как знать заранее?
Не выдашь девушку теперь,
Коль нет желанья.

Ведь нынче девушка себе
Хозяйкой стала...
Была б любовь, — уж свадьбе я
Не помешала б...

2

Ильяс наш в поисках Райсы
Повсюду ходит.
Его увидишь ты в кино
И в хороводе.

На танцах важный он стоит,
Как на картинке.
На нем коричневый костюм,
Блестят ботинки.

Он часто ходит в дом Райсы,
Чтоб стать милее.
Ни слов, ни песен для нее
Он не жалеет.

Пунцовой розы аромат —
Ему подмога.

По вечерам в притихший сад
Ведет дорога...

Ильяс мечтает о Райсе,
Тоскует очень.
И верит — свадьба быть должна
У них под осень.

Но говорит ему Райса:
— Подумай, право:
Неужто щеголем ходить —
Большая слава?

Пускай слывешь ты остряком
И баянистом,
Достоин будь своих друзей,
Будь в мыслях чистым.

Друзьям ты двери распахни,
Встань с ними рядом,
Подай им руку, встречу их взгляд
Открытым взглядом...

Потом задумчиво Райса
Одна сидела.
«Неужто вправду красота
Боится дела?..»

Ильяс красив... Жених такой —
На зависть прочим.
Да только, кажется, себя
Он любит очень...»

Ильяс пришел, — все на порог:
Его встречают,
В большую комнату ведут,
За стол сажают.

Он приглашает в клуб Райсу.
Он взял заранее
Уже билеты на двоих, —
Лежат в кармане.

Райса одета. Легкий шелк
Под стать невесте.
Ильяс доволен: вечер весь
С ней будет вместе.

Нет, не расстанется Райса
С родной деревней.
И он заводит разговор
С ней задушевный.

Он мудрствует перед Райсой,
Дает советы:
— Запомни сердцем, милый друг,
Ты слово это.

Коль хочешь легкого пути,
Коль счастья ищешь,
Работу выбери себе
Ту, что почище...

Серьезной сделалась Райса,
Лицо другое.

Молчит, лишь вздрогнула слегка
Да бровь — дугою.

И нижеет наш Ильяс слова:
— Зачем, Райса, ты
Училась десять лет, скажи,
Чтоб взять лопату?

Я знаю, место где твое, —
Оно не в поле,
Оно в конторе, за столом,
А хочешь — в школе. . .

Но от последних слов Райса
Приходит в ярость.
— Еще немало трудных дел
В стране осталось!

И если легких дел искать
Начнут все люди,
То что же с трудными тогда
Делами будет?

Кто выстроит завод, взрастит
Кто хлеб отличный,
Реку заставит изменить
Свой путь привычный? . .

Кто эти трудные дела
Возьмет на плечи?

Кто сможет победить врага
В жестокой сече?

Нам не к лицу искать, Ильяс,
Путей полегче.
Ведь мы хотим, чтоб жил весь мир
По-человечьи.

Не зря учил нас Комсомол!..
Мне неприятны
Твои слова. Ты их, Ильяс,
Возьми обратно... .

Ильяс юлит: — Сказал любя
Я это слово,
И за него же ты меня
Побить готова!

Коль разбираешься во всем,
Молчу... Да что там!..
Ведь мясо змей едят лишь те,
Кому охота.¹

— Себе работу я нашла, —
Райса сказала.
Ильяс поднялся: — Зря пропел
Я слов немало.

Но больно уж учена ты,
Чтоб мне поверить... —

---

¹ Есть пословица: «Кто захочет, тот может даже змеиное мясо съесть», т. е. пойти на самое рискованное, чего другие не могут.

И холодно взглянул Ильяс,
Направляясь к двери.

Райса звала. Но он шагал
Своей дорогой.
Не внял он искренним словам,
Их правде строгой.

И два билета, те, что взял
Ильяс заране,
Так и остались у него
Лежать в кармане.

ОСЕНЬ НАСТУПАЕТ

1

Давно повял веселый цвет
Черемух белых...
Райса всем сердцем отдалась
Большому делу.

— Работу легкую искать
Мне не годится.
Я там, где тяжелей всего,
Должна трудиться.

Трудилась в поле целый день
Она с рассвета.
Сентябрь настал. Пошли дожди.
Но что ей это!

Гудели ветры над селом,
Сыра погода!
И, как шербет¹, пила Райса
Речную воду.

Во время жатвы в темноте
Она вставала
И в скирды стройные снопы
Весь день метала.

И говорила: — Вновь с «Лучом»
Идем не вровень,
Работать лучше мы должны,
Тогда нагоним. . .

Приходит помощь: из «Луча»
Прислали жнейки.
— Теперь за нами долг еще,
Отдать сумей-ка. . .

2

Настала осень, над землей
Листва кружится.
Струится холод, на ручьи
Ледок ложится.

Давно уж гуси собрались
Опять в дорогу.

---

¹ Ш е р б е т — сладкий напиток.

Медведь ленивый не спеша
Залез в берлогу.

Пушистым хлопком снег одел
Леса и горы.
В полях безлюдных, за селом,
Белы просторы.

...Деревня в праздничном дыму.
Столы накрыты.
Глядит народ, что за́ год им
В трудах добыто.

А сколько весит трудовень?
Крепки ль доходы
От жеребят, от овощей,
Люцерны, меда?

Работа чья звала вперед
И направляла?
Кто был героем на току,
Кто — у штурвала?

Трудам подводится итог,
И в полный голос
Одни, конечно, славят «Луч»,
Другие — «Қолос»...

Верней, у тех и у других
Есть чем гордиться.
И есть дела, где «Қолос» наш
Не осрамится.

К примеру, скажем, рысаки
И жеребята.
Всегда стрелой летят они,
И стать богата...

К примеру, яблоневый сад,
Дома, где ночью
Огни веселые горят,
А также... прочее...

Земля «Луча» лежит вдали,
От гор направо.
Дела «Луча» известны всем,
Достойны славы.

Там урожай велик. Едва
Хватает тары.
По тридцать центнеров берут
В «Луче» с гектара...

А «Колос» половину дал, —
Похвастать нечем, —
Был урожай пшеницы плох,
Овса и гречи...

«Так в чем же, — думает Райса, —
Секрет победы?»
К Ак-тау мысленно идет,
Ища ответа...

Там те же почвы; шли дожди
Такие ж точно,

Такие ж ветры по утрам
И росы ночью...

Зима приходит — глядь, буран
Свистит над ухом,
И покрываются поля
Лебяжьим пухом...

Весною —полая вода
Здесь колобродит.
Коль не успеешь задержать —
В реку уходит.

Такие ж люди здесь, как там,
Одна округа,
А кое-кто и свояки,
Сватья друг другу...

Лишь урожай совсем не тот,
Иные всходы.
Как видно, трудятся не так,
Не та работа.

Райса упорней с каждым днем,
Серьезней, строже.
— Когда ж, парторг, мы этот «Луч»
Догоним все же?

И агроному больше нет
Теперь покоя, —
Из клуба он идет домой
Порой ночью.

В уютном клубе — на столы
Ложатся блики.
Какое множество людей
Взялось за книги...

На лыжи встав, скользит Райса,
Мчит из раймага.
Хрустят обложки новых книг,
Шуршит бумага...

И за столом сидит, свежа,
Как на морозе.
...Да, в вузе учится Райса,
Живя в колхозе!

Да, понесет она в поля
Плоды науки,
И слава загремит о ней
По всей округе.

3

А что Ильяс? О чем сейчас
Душой болеет?
Какие мысли и мечты
Ильяс лелеет?

Заботит всех колхозный сад.
А он — не промах:
Весь день хлопочет у кустов,
Что возле дома.

Все вышли, чтоб подправить клуб,
Кипит работа,
А у Ильяса свой ремонт,
Своя забота.

Он ремонтирует свой дом
И украшает.
И радость старенькой Гульби
Границ не знает. . .

4

— Мед вари,
Коли овцу —
Скоро праздник
Молодцу.

Самый лучший
Шей наряд —
Скоро свадьба,
Говорят.

Пусть мед течет струею,
Пол стонет под ногою.
И сваты чтоб хватили
Ковша по три-четыре. . .

Чтоб песни до рассвета. . .
— Но чья же свадьба это? . .

— Чья свадьба? Мы не знаем.
За слух не отвечаем!

Мы сватать не ходили,
Усов не подмочили...

Так говорят соседи —
Всё знают люди эти.

И при любой погоде
Молва такая ходит
И день и ночь сквозь выюгу,
Шумит на всю округу.

Ах, девушкам узнать бы!
— Райса, а скоро свадьба? —
Но тут Райса в ответ им:
— Ах, отвяжитесь с этим!

Зальется краской красной,
И девушкам все ясно:
Должно быть, есть преграды...
Спросили и не рады.

Но в чем же дело все же?
Характеры ль не схожи
Иль, воспылав сначала,
Ильяс остыл помалу?

Или Райсе не мил он,
Другого полюбила?

Ох, тяжело Ильясу,
Ильясу не до пляса.

Гармонь обняв рукою,
Исходит он тоскою...

Собрание. И к Ильясу
Все подступают сразу:
— Мотоциклетов нету?
— А где велосипеды?
— Где швейные машины?
— Где книги, пианино?

Ильяс грустит: бедняге
Нет жизни и в сельмаге!
И ноет сердце что-то.
«Ой, не легка работа!»

И вот среди недели,
Стремясь к высокой цели,
А может, от позора
Ильяс уехал в город.
И шепчет мать устало:
— Ну что с сыночком стало?..

ПРИЕЗД ГЕРОЯ ИЗ „ЛУЧА“

1

Райса неспешно входит в дом,
Окутанная паром.
Аскап и радуется ей,
И сердится не даром.

Довольна тем, что дочь ее
Красива, деловита,
Что парни все грустят о ней —
Кто тайно, кто открыто.

А недовольна тем, что дочь
Бывает дома мало.
Все на работе день-деньской,
А прежде ведь бывала.

Аскап сама за честный труд,
Труд у нее в почете.
Но ты и мать не забывай
И время дай работе!

Она, бывает, дочь свою
Полночи ожидает
И приготовленный обед
Раз пять подогревает.

И поправляет много раз
Пуховую подушку.
А дочки нет. И вновь, и вновь
Волнуется старушка.

...Сейчас дочурка рядом,
Глядит веселым взглядом.
Снег сбила с отворота,
Рассказывает что-то.

И — руки греть. Иззябла вся
На такой погоде.

Но не успела в дом войти,
Как снова — об уходе.

— Пора обедать, впрочем,
А то спешу я очень.
Там из «Луча» приедет
Товарищ на «Победе».

Об опыте работы
Расскажет он народу,
Как «Луч» пришел к успехам,
Не глядя на погоду.

Чем здесь сидеть, скучая,
Пойдем со мной, родная.
Недалеко до клуба...
Ну, надевай-ка шубу!

2

Упасть иголке негде
В просторном клубном зале.
Спать не желая, дети
В клуб шумный прибежали.

И старики явились.
Закончена работа!
Валяться на перине
Кому сейчас охота?

Посмеиваясь, девушки
Уселись рядком,

То песни распевают,
То тайны поверяют
Друг другу шепотком.

В платках цветных из ситца
Пришли сюда старухи,
С младенцами грудными
Явились молодухи.

Младенцы, понимая
Прекрасно важность дела,
Не плачут, а чуть слышно
В толпе пищат несмело.

А парни? Здесь, конечно!
Лишь спором, иль борьбою,
Иль свадьбой где запахнет. --
Они уж там толпою.

Итак, все нынче в сборе.
А что смогла собраться
Сегодня вся деревня, —
Чему ж тут удивляться?

Здесь все бывают к вечеру,
Тут удивляться нечему:
До клубного порога
Удобная дорога.

Пусть степь ревет метелями,
Пусть дождь идет неделями, —

Всегда, зимой и летом,
Уютно в клубе этом.

Здесь вечером доклад,
Здесь фильм про Сталинград,
Ты здесь с друзьями вместе
Прослушаешь известия,

Что извергов отряды
Казнят сынов Эллады,
Что воины Китая
Идут, врага сметая.

Народ толкует в клубе
В вечерние часы.
Здесь имена услышишь
Багау и Райсы.

3

Пройдя сквозь пестрый шумный зал,
Багау у трибуны встал.

И зал притих, насторожен,
Все молча ждут: что скажет он,
Что скажет он? С чего начнет?
Огромный зал в молчаньи ждет.

Но зал Багау оглядел,
Открыл собрание и сел.

И вот тогда сквозь зал вперед
Прошел в президиум народ.

Сидят с Багау на виду
Хурмет с Райсой в одном ряду.
Сидят на сцене земляки:
И молодежь и старики.

Здесь все народ передовой,
Почетный, славный, трудовой.
Но вот что важно: впереди
Сел парень, на его груди
Звезда, ярка и горяча,
Он гость, он прибыл из «Луча».

И в зале все, за рядом ряд,
В молчаньи на него глядят.
Все ждут: Лукман, герой труда,
Видать, не зря попал сюда!

Райса глядит, и видно ей,
Как в свете лампы в сто свечей
Ясна, прекрасна и горда
Переливается звезда.

Хурмет взволнован, изумлен.
«Герой! Как стал героем он?
Постойте! Рост... черты лица...
Я ж где-то видел молодца!»

Глядит, держа ладонь у глаз.
«То ж сын Мингула! Вот так раз!

Знать, зря в старинные года
Болтали, что дитя — беда ¹.
Счастлив Мингул! Стал сын его
Звездой для края моего».

— Учись! — под бок толкнул слегка
Хурмет соседа-паренька.
Лукман окинул взглядом зал,
Чуть-чуть смущаясь, и сказал:

— Хоть приглашен я был, друзья,
Бану с Райсою к вам в село,
Но дело, общее для нас,
Меня к вам ныне привело.

Задача ведь, друзья, не в том,
Чтоб одному лететь вперед, —
Нам крылья для того даны,
Чтоб вместе совершать полет.

Мы — два соседние села,
Но сходно ли идут дела?
А почему? Такой вопрос
Не раз уж ставил наш колхоз.

Соседу нашему от нас
И помощь ведь была не раз... —
Бану — из дальнего угла:
— Чего уж там скрывать, была!

---

¹ В прошлом среди башкирской бедноты бытовала поговорка: «Бала — бэлэ» — «Дитя — беда».

Друзья! Скажите, сколько ж лет
Нам будет помогать сосед?
Пора уж нам — плечо с плечом —
Встать рядом с «Маяком», с «Лучом».

Лукман, облокотясь, стоит,
С улыбкой в шумный зал глядит
И думает: «Она права.
Честны, смелы ее слова. . .»

А с мест кричат: — Назрел вопрос!
Давно пора поднять колхоз!

Хурмет взглянул, нахмурясь, в зал,
И колокольчик шум прервал.
Гремевший зал притих — река
Вошла обратно в берега.

Лукман обвел глазами зал
И просто от души сказал:
— В засушливый тяжелый год
И то был с хлебом наш народ.

Снимая урожай большой,
Мы трудимся всегда с душой,
Ведь связан наш досуг и труд
С наукою — и в том секрет
Всех достижений и побед.

И зал задумался всерьез:
«Как быть? Как подтянуть колхоз?»

Задумчив у Багау вид,
Райса внимательно глядит
На говорящего в упор,
Ее девичий светел взор.
Что там придумала она
И чем душа ее полна?

Райса, встав около стола,
Речь твердо, жарко начала:

— Дела большие впереди,
Ведь надо ж за́ год, не за пять,
Колхозу нашему, друзья,
Колхоз передовой догнать.

Нам надо запрудить ручьи,
Те, что с горы бегут в село.
Водой мы склоны оросим
И лес посадим. . . Тяжело?
К заветной цели кто ж, друзья,
Идет по легкому пути?

Райса глядит все время в зал,
Стремясь сочувствие найти.

Кто недовольно хмурит бровь,
Кто одобрительно кричит,
А кто, качая головой,
Покрякивает да молчит.

Речь кончена. Грохочет зал.
Аплодисментам нет конца.

Задорно, радостно стучат
Парней и девушек сердца.

Не аплодирует Хурмет,
Знать, с чем-то не согласен дед.
Укор в усмешке старика:
Мол, юность зелена, прятка.

Хурмет встает. Едва-едва
Он цедит сквозь усы слова.
Он речь туманную ведет:
— Тяжелое поднимет тот,

Кто не ударит ¹. В этом есть
Немалый смысл, прошу учесть —
Кто хвастает, тем от стыда
Краснеть приходится всегда.

Из зала: — Верно, старина,
Здесь осмотрительность нужна!

Райса запальчиво в ответ:
— Здесь для боязни места нет!

Хурмет бурчит, едва-едва
Он цедит сквозь усы слова:

— Нам надобно на этот год
Взять урожайности рекорд
С участка меньшего пока,

---

¹ Башкирская поговорка: «Кто не ударит, тот поднимет больше» (упрек хвастунам).

Чтоб было все наверняка,
Без шума и без хвастовства:
С гектаров, например, со ста,
Потом с трехсот и с пятисот. . .

Райса кричит: — Нас не спасет
Подобный темп! Таким путем
Вовек мы к цели не придем!

Багау видит: прений ход
Серьезный принял оборот,
И заключение всему
Придется сделать самому.

Темно на улицах зимой.
Народ торопится домой.
Собраньем все утомлены,
Но все идут, надежд полны.

4

Безлюдны улицы села.
Метель все тропки замела,
Свистит и кружится впотьмах.
Огни погашены в домах.

Лишь у Райсы горит ночник.
Тетради, груды толстых книг. . .

Читает за столом она.
Проходит ночь — ей не до сна.

Наука дать должна ответ,
В науке ведь секрет побед.

Глаза слипаются, но сон
Водой холодной побежден.

Так ночь проходит — напролет,
И утро новое встает.

ЛЕТЯТ СНЕЖИНКИ

1

Над Бузат-тау над горой
Колючий снег кружится.
Гуляет ветер по полям,
Рвет шапки, режет лица.

Снег густ, и кажется Райсе,
Что это не снежинки,
А золота и серебра
Заветные крупинки.

И вот уже щиты стоят,
Плетеные ограды,
И вот уже Гульсум, Асгат
Дошли по полю до границ
Земель своей бригады.

Райса с Бану уж тоже там.
Румяны от мороза,

Подруги смотрят на поля
Соседнего колхоза:

Поля «Луча», что знаменит
Богатством урожая.
В них ходит ветер, вея снег,
Сугробы разметая.

На них еще не встали в ряд
Щиты. Вот это дело!
Райса с друзьями гордый «Луч»
Опередить сумела!

Бану довольна. — Что ж, друзья,
Мы сделали немало:
Соревнованью дали ход,
Но это лишь начало, —
И вот, смотрите, результат.
Лишь приложили руки. . . —
К полям «Луча» идет Асгат,
Вслед — девушки-подруги.

И стали ставить вновь они
Щиты по горным склонам.
Стоят плетеные щиты —
Надежные заслоны.

— Увидят люди из «Луча»,
Что мы им помогаем,
И будет радостней, дружнеей
Наш общий праздник в мае!

Хоть ветер дует все сильней,
Идет, кипит работа,
По жарким лицам молодым
Сбегают капли пота...

. . . . .

Но, обернувшись вдруг, Райса
Увидела: со склона
Саней, груженных тяжело,
К ним движется колонна.

Везут те сани на поля,
Наверно, удобренье.
Бой начался за урожай,
На зиму наступленье!

Колхоз поднялся, стар и млад, —
Все в поле этой ранью.
Сердца зажгло, вперед на бой
Зовет соревнованье.

Одно неясно: почему
К Райсе все сани едут?
— Райса, что скажешь? Для кого
Обоз огромный этот?

Райса не знает, что сказать,
В смущении девчина.
Как объяснить все это? В чем
Скрывается причина?

А впереди всех паренек —
Плечист, шагает браво,

Кнутом пощелкивая, он
Заводит лошадь вправо...

Райса, сердясь, ему кричит:
— Неужто мне все сани?
— Я выполнил, — он ей в ответ, —
Хурмета приказанье.

Чтоб вы с бригадою смогли
Рекорд побить, мы свозим
К вам удобренье на поля
Все вместе, враз, колхозом.

— Участок наш хороший, друг,
И все мы тоже не без рук.
Пусть всем бригадам даст колхоз
Лопаты, сани и навоз.
Пусть осенью у всех бригад
Пшеницы будет много.

Райса, взяв под уздцы, коня
Выводит на дорогу
И, повернувши всех коней,
Лишь три последних воза
Райса оставила себе
Из длинного обоза.

Лежали в этих трех санях
Бригадные лопаты,
И люди были в тех санях —
Все из ее бригады.

Обеспокоила Райсу
Та выходка Хурмета:
«Багау надо б повидать,
Спросить его совета».

. . . . .

Бесились ветры, оголить
Стремясь от снега склоны,
Но сдерживали снег щиты —
Надежные заслоны!

Летят крупинки серебра,
Как искорки сверкают.
То ветры на поля Райсы
Богатство намечают.

Райса глядит: в ее полях
Снег пышный громоздится,
Знать, прозимует в теплоте
Озимая пшеница.

Отдаст весною мать-земля
Набухшим зернам воды,
И будет праздник на полях:
Зазеленеют всходы!

Райса уверена — колхоз
Назавтра, светлой ранью,
Сойдется дружно.
По стране
Идет соревнованье!

Аскап-апа накрыла стол.
 Всѣ хлопоты, заботы!
 Готовит ужин — скоро дочь
 Должна прийти с работы.

Воды бы в самовар налить! . .
 Стучат. Открыть скорее!
 Но не Райса в дверях — Ильяс,
 Как в раме, перед нею.

Он спрашивает о делах,
 Любезен, вежлив, кроток.
 Он входит мягко и на стол
 Кладет небрежно сверток.

Садится — на́ ногу нога,
 Как будто все забылось,
 Как будто вовсе ничего
 Меж ними не случилось. . .

Так плавлен каждый жест его,
 Степенны все движенья. . .
 Закуривает высший сорт,
 Спросивши разрешенья.

Рассказывает не спеша
 Все новости и слухи,
 Ведет искусно разговор —
 Куда Гульби-старухе!

Рассказывает, как, учась,
Он жил в далеком крае,
Как письма он Райсе писал,
Тоскуя и скучая.

Дверь хлопнула. Вошла Райса,
И узел полушалка
Развязывает на груди,
Смеется: — Ой, как жарко!

Хоть падает холодный снег,
Хоть ветер жжет до боли,
А на работе хорошо
И просто жарко в поле!

И завязался разговор:
— Что скоро так приехал?
— Я быстрый, ловкий... — Полон дом
Веселья, шума, смеха.

На стол поставлен самовар,
И крышка самовара
Дрожит и тоненько звенит
Под крепкой струйкой пара.

Пельмени в блюде на столе,
И пар от них особый,
И вкусно тянет из печи
Румяной, доброй сдобой...

Покушав, достает Ильяс,
Болтая без умолку,

Из свертка радужный отрез
Трепещущего шелка.

Райса подарка не берет,
Известно ей прекрасно:
Дареным шелком не согреть
То чувство, что угасло.

— Смогу в сельмаге я купить
Шелк яркий для наряда,
Когда в торговле у тебя
Дела пойдут, как надо.
Ведь о сельмаге ж, право,
В селе худая слава.

В тот миг, в снегу весь, паренек
Дверь настежь открывает:
— Апа, тебя Хурмет-бабай¹
В правленье вызывает!

И думает Райса: «Хурмет,
Видать, настроен грозно,
Коль требует меня к себе
В правление так поздно».

Ильяс с Райсой выходят в ночь,
В густую, снеговую.
Ей в сторону одну, ему —
В другую...

---

¹ Б а б а й — дед, дедушка.

Райса вдоль тихого села
Идет походкой быстрой.
Сверкает вдоль обочин снег
Морозной, синей искрой.

Снежинки веют ей в лицо,
Садятся и на шею.
И вдруг, когда уж огонек
Правленья стал виднее,
Багау встал пред нею.

Довольна встречею Райса.
Хоть час уже и поздний,
Она решила завести
С ним разговор серьезный.

Про случай в поле рассказать
Спешит — ведь дело это
И вызвало, быть может, гнев
У дедушки Хурмета.

В молчанье думает парторг
Об этом важном деле,
И черные усы его
Совсем заиндевели.

И говорит он: — Что ж, втроем
Поговорим об этом...

Тут фары вдруг из темноты
Их окатили светом.

Машина встала у ворот
Заснеженного дома.
— Петров! — Багау узнает
Секретаря райкома.

4

В правление вошла Райса.
Из-под очков, сурово
Насупившись, глядит Хурмет,
Не говоря ни слова.

Он молча смотрит, словно он
Ждет от нее доклада.
Райса стоит, потупя взор,
Как будто виновата.

Сердит, угрюм Хурмета взгляд,
Лицо его багрово.
Очки, упав со лба на нос,
На лоб полезли снова.

— Райса, тебе я поручил
Ответственное дело.
А вышло что? Ты оправдать
Доверье не сумела!

И на собраниях вечный спор,
И вечный спор на поле.
Мне, старику, такой позор
Терпеть, скажи, доколе?

Кто я? Колхозу своему
Я зла желаю нешто?
Кто недоволен, пусть мое
Тот занимает место.

Иль мало сил я положил?
Иль я уж стал негоден?
Свидетелем моих заслуг
Вот этот славный орден.

Райсе известно, что старик
Порой не сдержан в споре.
Она уверена, что гнев
Его остынет вскоре.

И впрямь смягчается Хурмет,
Уж он не смотрит гневно.
Остыв, утихнув, говорит
Сердечно, задушевно:

— Я знаю, доченька, что ты
Слывешь передовою,
Должна ты быть награждена
Звездой Золотою.

Ее вполне достойна ты,
Дружна твоя бригада.
И нам, чтоб «Луч» опередить,
Нужна твоя награда. . .

Райса в ответ: — Не мне одной,
А всем колхозом, дружно
На всех участках и полях
Ковать победу нужно.

Райса вдруг слышит голоса
Багау и Петрова.
Стучат на лестнице шаги,
Скрип двери, стук засова.

Багау и Петров вошли,
За стол спокойно сели,
Зашла беседа о большом,
О важном общем деле.

Затем коснулись тех, кто рад
Лишь собственной удаче,
Кто слишком узко понимать
Привык свои задачи.

. . . . .

Не только все твои дела,
Не только жизнь, знакомо
Биенье сердца твоего
Секретарю райкома.

И после разговора с ним,
Как бы взойдя на горы,
Увидел пред собой Хурмет
Впервые вдруг, за много лет,
Чудесные просторы...

ГОРНЫЙ РУЧЕЙ

1

Запахло на полях весной,
Уж март не за горами.
В просторном клубе весь колхоз
Бывает вечерами.

То агроном, а то Райса
Здесь делают доклады —
О том, как землю удобрять,
Как сеять клевер надо.

О том, как в марте удержать
В полях колхозных воды,
Чтоб были дружны, зелены
Везде озимых всходы.

Райса твердит одно: — Когда
В горах ручьи запрудим,
То, верьте, осенью с большим
Мы урожаем будем.

С Райсой согласен весь народ:
— В горах запрудим воды,
Когда закончим на полях
Весенние работы.

2

Ручей, летя с Бузат-горы,
Весной гремит, резвится,

Но летом из того ручья
Уже нельзя напиться.

Ковшом воды не зачерпнуть,
Ручей засушен зноем.
Лежит в безводном русле пыль
Тяжелым серым слоем.

Под солнцем стелются поля
Без края, без границы.
Все ярче, жарче желтизна
Бушующей пшеницы.

И думает Хурмет: «Ручей
Был шумным и бурливым.
Когда б не высох, он бы дал
Немало влаги нивам.

А с влагой мы б достичь смогли
Большого урожая. . .»
Стоит и думает Хурмет,
Что предпринять не зная.

Райса с Багау говорят:
— Хурмет, задачу эту
Джигитам смелым поручи,
Икраму и Ахмету.

Они ведь строили мосты,
Они мосты взрывали. . . —
И целый ряд других имен
Хурмету называли.

Хурмет весь день был на полях,
Домой вернулся к ночи.
Но спать не лег, а сел за стол,
Взволнован, озабочен.

Болят, слипаются глаза,
Зовет к себе перина.
Но достает Хурмет кисет
Из плотного сатина.

И закурил. Надел очки.
Весь в дыме папирасы,
Он в книгах стал искать ответ
На сложные вопросы.

Как сделать так, чтобы с горы
Ручьи в поля направить,
Чтобы разлив весенних вод
Грунт оросить заставить,

Чтоб в поле осенью хлеба
В рост человека были
И чтоб трескали закрома
Зимой от изобилья?

Теснятся думы в голове,
Нет старику покоя.
В недоумении жена:
Что с муженьком такое?

Перина тверже камня ей.
— Конец уж скоро ночи,
Пойди по улице пройдишь,
Коли дремать нет мочи.

Ведь прежде, дорогой, легко
Ты засыпал бывало.
Иль, может, юность, что прошла,
Тебя тревожить стала?

— Да что там прошлое! Сейчас —
О будущем все думы:
Есть дело сложное одно, —
Сказал Хурмет угрюмо. —

Кто направлял ручьи в поля
По склону гор? Не знаешь?
— Ах, батюшки! Так вот над чем
Ты голову ломаешь?

— Да что одна тут голова!
Голов тут надо десять
Над этим делом поломать,
Чтоб все учесть и взвесить!

Старик, волнуясь, говорит.
Старуха на перине
Заслушалась его речей;
И сна уж нет в помине!

Забыли старики про сон,
В полях их мысли бродят.

Гадают, думают в ночи,
Решенья не находят.

«Как запрудить в горах ручьи?»
О сложном деле этом
Все время думают они,
Не спится бабке с дедом.

Хурмет на улицу идет.
Ночь темная, густая.
Лишь у Багау огонек
В окне горит, мерцая.

Багау, может быть, сейчас
За книги сел — учиться,
Иль пишет сыну письмо
На дальнюю границу,

Иль молодежь к нему сейчас
Явилась за советом,
Чтоб дружно в бой за урожай
Пойти в поля с рассветом.

Никто в порыве трудовом
Не ведает покоя.
Петров среди забот, трудов
Не спит порой ночью.

Немало в эту ночь в стране
Горит бессонных окон. . .
Но самый яркий огонек
Горит в Кремле далеком.

Там думают в ночной тиши
Над картой до рассвета.
Там знают помыслы Райсы,
Багау и Хурмета.

4

Пришла горячая весна,
Настала посевная.
Колхоз работает, ни сна,
Ни отдыха не зная.

Спит на подушках-облаках
Луна, толста, ленива. . .
Светлы поля, гудит «НАТИ». .
Кто так поет красиво?

Восходит голос молодой
Свободно, без усилья.
Несется песня в даль полей,
Свои расправив крылья.

Райса с бригадою девчат
Работу завершает.
Победа, что совсем близка,
Бригаду окрыляет.

А вот и жаворонка песнь
Взлетела над полями,
И солнце встало над землей —
Багряное, как знамя.

А трактор сеялку ведет
Спокойно и упорно.
Вдоль берега Баллы-шишмэ¹
Ложатся в землю зерна.

На сеялке стоит Райса,
Глядит из-под ладони:
Работа дружно ли идет
На шумном горном склоне?

Ложится в борозды овес...
От края и до края,
Гуляя в поле, трактора
Грохочут, не смолкая.

Лежит отборное зерно
Спокойно в перегное,
Оно страшиться не должно
Ни засухи, ни зноя.

Райса уверена: ее
Не пропадут усилия,
Ее чудесные мечты
Уж скоро станут былью.

А к сеялке Асгат с Бану
Зерно несут мешками.
Легки тяжелые мешки, —
Растили хлеб-то сами!

---

¹ Б а л л ы - ш и ш м э — буквально означает медовый ручеек.

И трактор вновь, в последний раз,
Ушел, гремющий, в дали...
В соревновании друзья
Победу одержали!

Хурмет о том, что кончен сев,
Уж доложил району.
С победой поздравляет всех
Петров по телефону.

Петров колхозам всем раскрыл
Секрет победы этой.
Ведь даже «Луч» на день отстал
В работе от Хурмета!

А что ж теперь? Неужто спать,
Бродя, зевать от скуки?
Нет. Надо снова дружно взять
Кирки, лопаты в руки.

Да, надо снова всем собрать
Упорство, силу, волю,
Чтоб воды бурные ручья
Суметь направить к полю.

Пускай поделится ручей
Прохладой влагой с рожью,
Пусть будут летом склоны гор
На пышный луг похожи...

С высоких гор бежит ручей
В безудержном стремленьи,

Неся с собою вниз кусты,
Ворочая каменья.

Он размывает берега,
Грунт колотя волною,
Вбирает осенью дожди
И талый снег весною.

Так вечно бы бежал, гремя,
Но крепкие преграды
Возводят на его пути
Колхозные бригады.

Завалы в четырех местах —
Из глыб огромных горных.
Лопаты острые звенят
В руках людей упорных.

Среди колхозников Ильяс —
Упрям, горяч в работе!
Сюда с лопатой он пришел
По собственной охоте.

В цемент, одевший берега,
Ручей стучит волною.
Не будет высыхать до дна
Теперь ручей от зноя.

Жара... Давно уж нет дождей.
Но вечером на склонах
Туман плывет средь пышных трав,
Высоких и зеленых.

Роса густа в цветных лугах.
Хурмет, увидев это,
Благодарит Райсу, Бану,
Икрама и Ахмета...

ЗДЕСЬ ОСТАЛОСЬ СЕРДЦЕ ДЖИГИТА

1

У нас чудесный, золотой
Обычай есть в народе:
Учись у тех, кто впереди,
Коль ты отстал в работе.

Так сделал «Колос золотой»,
Так «Луч» поступит тоже.
Ведь звание «передовой»
У нас всего дороже.

2

Герой приехал из «Луча»,
Он нам уже известен,
Секрет победы изучать
Теперь желает здесь он.

Лукман с Райсой вдвоем идут
Вдоль берегов цементных,
Вдоль берегов Баллы-шишмэ,
Среди полей победных.

По берегу они дошли
До самого истока
И видят с гор: поля, леса
Раскинулись широко.

Лежит башкирская земля
Внизу ковром цветастым,
В ней дышит каждый стебелек
И каждый колос счастьем.

Лукман с Райсой вдвоем стоят
На плоском горном камне.
Внизу прохладные пруды
В предутреннем тумане.

Лежат прохладные пруды,
Среди полей синяя,
Не страшно уж теперь полям
Дыханье суховея.

И рад герой, как будто здесь
Труды его, Лукмана.
Теснятся мысли в голове,
Мечты, надежды, планы.

— Ручьев немало и у нас,
Нам запрудить их нужно.
Давно пора уже «Лучу»
За дело взяться дружно.

Райса, все это началось
По вашему почину,

Спасибо вам, Райса! — Лукман
Благодарит девчину.

Джигит, усевшись на коня,
Вдруг грустно улыбнулся
И в степь умчался. На скаку
Зачем-то оглянулся.

Зачем же оглянулся он?
На это есть причина.
Быть может, сердце он свое
Оставил у девчины?

Райса в полях стоит одна,
В ней твердость есть и сила,
Но почему же вдруг в груди
Душа ее заныла?

Несутся молодость и конь.
И с сердцем нету слада.
Джигит. . . и близок и далек.
Райса грустна. . . и рада.

8

В полях колышутся хлеба.
Через поля тропую
Идет Райса, и рожь ее
Укрыла с головою.

Райсы не видно в волнах ржи,
И лишь плывет по гребням

Ее батистовый платок,
Белея в море хлебном.

Глядит Райса: бежит волна
По полю за волною.
Пшеница — не пролезть ужу,
Рожь — поднялась стеною!

Какая рожь! Вот это рожь!
Она шумит в просторах.
Ведут колосья меж собой
Душевно разговоры.

Ну и пшеница! Это да!
Высокие, прямые,
Тугие стебли у нее,
Колосья — золотые!

Да, колос золотой. . . О нем
Есть древнее сказанье.
В сказанье то вложил народ
Свои мечты, желанья. . .

Райса о золотых хлебах
Задумалась. Литые,
Вокруг нее шумят, шумят
Колосья золотые.

4

Рассказывали старики когда-то:
В колосьях есть, мол, зернышко из злата.

Кто отыскать сумеет то зерно,
Тому и счастье принесет оно.

Посей его, и ни конца, ни краю
Не будет золотому урожаю.

Не будет счета жемчугам прекрасным,
Богатым станешь сразу ты, всевластным.

Так повествует древнее преданье.
Но это было лишь иносказанье.

В той сказке утешение и отдых
Для нищих, для бездомных, для голодных.

Средь бедствий жили бедняки мечтой
Найти чудесный колос золотой.

Лишь в наши дни в колхозной ясной дали
Колосья золотые засияли.

Райса о золотых хлебах
Задумалась. Литые,
Вокруг нее шумят, шумят
Колосья золотые.

Шумят высокие хлеба,
А в стороне, у края,
Комбайны мощные стоят,
Сигнала ожидая.

НОВАЯ ВЕСНА

(ЭПИЛОГ)

1

На небе солнце горячо
И ярко засияло.
Поля уж сбросили с себя
Сугробов одеяло.

Дымится теплая земля.
С небесного простора
Дождинка первая упасть
Должна на почву скоро.

А там работа закипит
Средь смеха, шуток, песен.
Под осень будет трудовень
Велик и полновесен.

Но и сейчас среди полей
Уж началась работа,
И в небе слышно — вдалеке —
Гуденье самолета.

Селитру сыплет самолет
На молодую озимь.
Мотора нарастает гул
Подобно вешним грозам.

Умел пилот. Легка, точна
В его руках машина,
Он по путям войны дошел
До самого Берлина.

Сейчас он трудится в полях,
Усталости не зная, —
Защитник мира на земле,
Помощник урожая!

Гудит мотор. Среди полей
Райса с бригадою своей.
Сегодня комсомолки
С рассвета на прополке.

Гудит мотор. Среди полей
Задумались девчата
О тех годах, когда страна
Была огнем объята.

. . . . .

В глазах Райсы встал дальний край,
Где до сих пор воюют.
Там пушки хриплые гремят,
Там злые ветры дуют.

Топча хлеба, в крови, в огне,
Проходит враг по той стране.

Там в пламени ночная мгла,
Там сёла выжжены дотла.

Там самолеты в небесах
В сердца детей вселяют страх.

. . . . .

Светлы и сини небеса.
В них видит самолет Райса.

То новый, мощный самолет,
Он радостную весть несет. . .

Из дальних мест, быть может, он
Везет колхозникам поклон.

Иль, может, то в наш край степной
Мчит доктор к девочке больной.

За летчика Райса горда —
Поднялся в небо сын труда!

Он парой мощных светлых крыл
Простор небесный покорил.

Коль труженик штурвал берет,
Приносит счастье самолет, —

Где были топи, нынче там
В густых лугах цвести цветам!

...Стоит, задумавшись, Райса,
А по простору луга
Верхом несется из села
Бану — ее подруга.

С уставшей лошади Бану
Слезает в нетерпенье.
И сразу, с первых слов ее,
Пришла Райса в волненье.

Бану смеется: — Суенсе! ¹
Есть славное известье.
Пляши! Да веселей пляши!
Что ж ты стоишь на месте?

Лавров профессор прилетел
К нам в гости из столицы,
И в клубе лекция его
Сегодня состоится!

— Как во-время! На днях зачет! —
И, радостью объята,
Райса бросается к Бану,
И обнялись девчата.

2

Придя с полей домой, Райса
Переменила платье.
Поправив волосы рукой,
Пошла к дверям с тетрадью.

«Скорей бы! В клуб не опоздать!
Уж стало темновато!»
Ее улыбкой проводил
Портрет отца Булата.

Райса вошла в просторный зал
И в гомоне народа
Багау бас и смех Бану
Услышала у входа.

---

¹ Суенсе — означает: какой будет подарок за радостное сообщение.

А вот и дедушка Хурмет —
Приветлив и дороден,
И на груди, под бородой,
Сверкает гордо орден.

Лукмáн направо от Райсы,
Зовет: — Есть место рядом! —
А слева — завсельмаг Ильяс,
Глядит унылым взглядом.

Седой профессор слово взял.
Речь льется величаво.
Райса на цыпочках прошла
И тихо села справа.

Профессор знания рад отдать,
Он не жалеет клада.
— Щедра наука. Вы, друзья,
Берите сколько надо!

Помочь колхозникам должны
Мичурин, Докучаев,
Чтобы добиться на полях
Отменных урожаев,

Чтоб средь сухих, глухих степей
Сады произрастали. . .
Придет пора — мы создадим
Сухуми на Урале.

Лишь кончил, тут как тут Райса,
Ведь столько есть вопросов!

Но начался киножурнал —
«Рассказ о двух колхозах».

И «Луч» и «Колос золотой»
Вдали, как бы в тумане,
Пред удивленными людьми
Предстали на экране.

Гудит веселым гулом зал,
Знакомых видя лица.
Но что в картине той Райсу
Заставило смутиться?

Да, былью стало нынче то,
Что сказкой было ране.
Одна Райса сидит в кино,
Другая — на экране!

Одна Райса сидит в кино,
Картину смотрит эту,
Ведя спокойно и умно
С профессором беседу.

Другая — там, на полотне,
Предстала в крупном плане,
И от ее счастливых глаз
Исходит в зал сиянье.

Зал видит пред собой Бану,
Лукмана и Хурмета,
Их лица ясные полны
Веселья и приветя.

Колхозники своих друзей
И земляков узнали.
Тут чей-то голос громче всех
Раздался в шумном зале:

— Посмотрим-ка еще! Давай
Опять картину эту! —
Ну что ж, киномеханик рад,
Он снова крутит ленту.

И замелькали в темноте
Вновь кадры из журнала,
С волнением на полотно
Глядит народ из зала.

Глядит и думает Ильяс:
«Да, всякая работа
Достойна (только лишь трудись!)
И славы и почета.

Почета я трудом добыюсь,
Себя прослаблю делом!
Равняться должен я всегда
По этим людям смелым!»

Путь видит пред собой Райса,
И тем путем счастливым
Вперед, без остановок, жизнь
Летит локомотивом.

Лететь вперед, не зная сна,
Усталости, покоя! . .

И сердце радостно стучит
Под девичьей рукою.

Окончен фильм. В восторге зал,
Весь клуб дрожит от грома. . .

Идут, высоких дум полны,
Колхозники до дома.

3

Весенний веет ветерок,
Он легок, еле слышен.
В саду уж стали набухать
Тугие почки вишен.

А скоро будет сад в цвету,
Как в снеговой пороше. . .
За садом слышен звонкий смех
И песни молодежи.

Девчат веселых голоса
Звонят, не замолкая.
Их звонким смехом тишина
Разбужена ночная.

Лукман с Райсой идут вдвоем,
Встает луна за садом. . .
Как было б хорошо пройти
Всю жизнь вот так же, рядом!

В селе давно уж говорят:
— Они друг друга стоят —
Она и он награждены
Звездою Золотою!

Как жаркие слова лились,
Как не спалось до света, —
Щадя влюбленных, можно здесь
И умолчать об этом.

Идут они. Горит восход
Над мирными полями.
Он манит их, он их зовет
Куда-то вдаль лучами.

Над всей страной день встает
Спокойно, величаво.
То счастья нового восход,
То солнце новой славы.

По всей стране, из края в край,
Работою победной
Тебя мы приближаем, день,
День славный и заветный!

1950—1951

Светлая звезда

Памяти командира полка — гвардии подполковника Э. М. Басырова, геройски погибшего на фронте Великой Отечественной войны.

В битве мы сильнее тигров.

Г. Тукай

Не собирайся в путь один, без друга.
Пусть встанет в небе светлая звезда,
Пусть проведет тебя сквозь ночь

и выюгу —
И всех врагов осилишь ты тогда!

(Из песни)

ПРОЛОГ

В тот трудный день
Не яблони цвели,
И не туман
Клонился до земли,

И не звучала
Песня соловья, —
Зола и дым
Заволокли поля.

Не жаворонок
Взвился к небесам,
А гром орудий
Землю сотрясал,

И руки заскорузлые
Солдат
Врезались в землю
Сотнями лопат.

Жестокий враг
Спешил огонь раздуть,
Осколками
Терзал земную грудь;

Пошли в поход
Исчадья темных сил,
И ветер смерти
В поле колесил;

Не молния
Дробила своды мглы,
А пушек
Раскаленные стволы.

Шел старый мир на нас,
Огнем дыша,
И гневом
Переполнилась душа!

МОЙ ДРУГ ВАДИМ И МОЙ ЗЕМЛЯК БИЛАЛ

Парень русоголовый, Вадим, на Байкале рыбачил,
Парус над ним вздувался, качала его волна;
Билал, мой земляк смуглолицый, жизнь на Урале
начал,
Там, где под серые камни пускает корни сосна.

Золото намывал он на берегах песчаных,
Мимо него проносилась серебряная вода;
Был он старатель известный и отыскал неожиданно
Клад, о котором деда мечтали в былые года.

Оба они проворны. Дело сделают мигом!
На свадьбе они балагуры, на отдыхе — весельчаки;
Оба еще безусы — и только по старым книгам
Знают о прошлом, знают, как давние дни горьки.

Счастье, живое счастье стояло над их колыбелью;
Оба молоды были — юность свое брала:
Над ними в высоком небе веселые песни звенели,
Их жизнь была полноводна, радостна и светла!

Прибыли два солдата с разных концов державы,
Не знали друг друга прежде, но думали об одном;
Страна повела обоих дорогой воинской славы,
Страна их широкие плечи покрыла шинельным
сукном.

Дороги воинской славы, дороги в огне и дыме. . .
Стертые до крови ноги. . . черных пожарищ чад. . .
Стали они друзьями, стали они родными:
Самое сокровенное брату доверил брат!

Пускай они были не схожи лицом и оттенком кожи,
Но дружбу их освятило пламя большой войны;
Отчизна в огне сражений стала еще дороже,
В боях закалялись братья — земли золотой сыны.

Защитные их петлицы покрылись серою пылью,
Выгорели на солнце волосы двух бойцов,
На лбах загорелых морщины свою тропу проложили,
В лицо им война дохнула порохом и свинцом.

Путь их пролег через пущи, через леса и трясины,
А над лесами клубился душный июльский зной;
Два бойца-пехотинца, два парня, два храбрых сына
Жили одной надеждой и думой и мыслью одной.

Они не мечтали о славе, но гордой воинской чести
В сраженьях не уронили — им честь была дорога!
Когда надвигалась опасность, оба солдата вместе
В первых рядах бросались на яростного врага.

Горе страны давило на их молодые плечи,
В походах немало горя на долю выпало им.
Но дружба — она и горе и тяжкую рану лечит!
Так шли по войне два брата, два друга —
Билал и Вадим.

ПЕРЕД ГЛАЗАМИ — ВОСТОК...

Пролег по холмам и болотам путь отступления
жестокий.
Идем и, на солнце глядя, душе говорим: живи!

Вадим и Билал шагают... Хотел бы я вместе с ними
Запеть, чтобы песня эта осталась в веках жива,
Чтоб эта песня осталась памятью о Вадиме,
Чтоб в этой песне навеки остались Билала слова!

Шагают солдаты, в поту и пыли;
Я сердцем с ними в ладу,
Я с ними пойду хоть на край земли,
Я с ними рядом иду!

ЗА СПИНОЙ — МОСКВА

Отходит рота — новое село
Покрылось черной тенью;
Какою болью в сердце к нам вошло
Страданье отступленья!

Пусть про название этого села
Не все из нас спросили, —
Его печаль нам будет тяжела:
Ведь это часть России!

Враг все испепеляет на пути,
Людей лишая крова,
Но мы придем, должны назад прийти!
Вас отвоюем снова!

О родина! Пожар еще не стих,
Но сильными руками
Мы отомстим за городов твоих
Поруганные камни...

. . . . .

Дышит поле копотью и гарью,
Гнев клубится в воздухе сыром,
Над землей, в огнях зарниц и зарев,
Мечется тяжелокрылый гром.

Молнии сверлят ночную темень,
Бурю неизбежную суля,
Но молчит, окутанная тенью,
Горем опаленная земля.

Приказали роте в землю врыться,
На лопату нажимай, нога!
Здесь рубеж. Здесь доблесть распрямится
В полный рост перед лицом врага.

Мчатся громы над землею русской,
А Билал врывается, как крот,
В глину. Он возводит крепкий бруствер;
По спине течет соленый пот.

Дождевой воды полно в окопе,
Шлемом воду черпает солдат;
Жадный дождь траншею не затопит, —
Вгрызлись в землю лезвия лопат.

Гневом и отвагою объаты,
В пересверке множества зарниц
Яростно работают солдаты:
За спиной — столица всех столиц!

За спиной Москва — столица мира;
За нее, в огне лихих годин,

Встали насмерть братья — сын башкира,
Русский, и татарин, и грузин.

И Билалу сквозь свинцовый воздух
Видится, как, выстоять веля,
Алые рубиновые звезды
Поднялись над башнями Кремля.

Ловко он орудует лопатой,
Он склонить не хочет головы;
Никогда не будет враг проклятый
Пировать на улицах Москвы!

О Москва! Ты сердце всей России,
Из очей твоих струится свет;
Живы мы, хоть нас свинцом косили,
Без тебя, Москва, нам жизни нет!

За тебя принять готовы муки,
Отстоять тебя в святом бою.
Видишь, как окрепли наши руки?
Мы спасем тебя — любовь свою!

По позициям в плаще зеленом
Командир проходит боевой,
Он к бойцам, в работу углубленным,
Обратился с речью огневой:

— Слушайте, друзья! Великой клятве
Всей душой, всем сердцем мы верны:
Защитят Москву народы-братья,
Здесь пройти фашисты не должны!

— Не пройдут! — кричат ему солдаты.
Тонны грунта кажутся легки,
В липкий грунт врезаются лопаты,
Гладкие белеют черенки.

До рассвета в землю вгрызлась рота,
Сердце и оружие на посту.
Крепких рук упрямая работа
Победила ночи темноту.

Протянулись темные окопы
По полям в колосьях и цветах;
В этот миг из пушек всей Европы
Вновь огонь открыл проклятый враг.

. . . . .

Кажется, огонь сживет со свету
Всех друзей в траншее роковой. . .
Только для солдата смерти нету:
Как там ни мудри, а он живой!

Лютовал фашист — упиться кровью
Захотел. . . Боец остался цел.
Он с пилотки стряхивает комья,
Проверяет тщательно прицел.

Он готов идти в огонь и воду,
Если надо — жизнь в бою отдать
За отчизну, за ее свободу,
За Россию — всех народов мать.

... Приподнялся Вадим, кругом глядит,
Билала ищет — друга своего:

— Ну как, покуда цел? Скажи, джигит!
Еще живой? Ну, значит, ничего. . .

Порядок, значит! Пронеслась бомбежка,
А ты глядишь, как прежде, молодцом:
Все под рукой — и автомат и ложка,
И здесь, в окопе, нам и стол и дом!

Пока тебе верны глаза и руки,
Вперед, солдат, с надеждою гляди.
Придем домой. . . забудем эти муки,
Невест увидим. . . Праздник впереди!

А если пуля угодит шальная
В висок, ну что ж, придет конец тогда,
Хоть жить и жить нам без конца и края
Не надоест, должно быть, никогда!

И то сказать: со смерти взятки гладки!
Да что гадать! Покамест все в порядке.
Коль суждено, домой вернемся мы,
И вся Россия скажет нам спасибо! . .

Вдруг, воплощение подлости и тьмы,
На них пошли фашистских танков глыбы.

Встал Билал, вложил запалы.
Вся родимая земля
Обратилась к Билалу,
В битве выстоять веля!

Тяжело солдаты дышат,
Каждый в сердце все решил;
Землю русскую колышет
Тяжкий ход стальных машин. . .

И, быть может, сердце сжалось
У иного в этот миг. . .
Но отвага подымалась,
В бой звала друзей моих.

Лишь отвага и упорство
Помогают в битве той,
Где идет единоборство
С черной гибелью самой!

А кому на этом свете
Только шкура дорога,
Тот бежит от лютой смерти,
Но умрет наверняка.

В лик войны взглядишь без дрожи,
В сердце страх сумеи унять.
Жизни собственной дороже
Нам, друзья, отчизна-мать!

БИЛАЛ ЖДЕТ...

Билал в поту,
В пылу Билал
К сырой земле
Лицом припал.

И новую
Отвагу в грудь
Ему земля
Спешит вдохнуть.

И видит он, что не дают пощады
Артиллеристы алчному врагу:
По башням бьют тяжелые снаряды...
И слышит он железную пургу.

Враги хотят, чтоб гордые согнулись,
Хотят у нас отнять и хлеб и кров,
Они хотят красу московских улиц
Залить огнем из тысячи стволов.

Глядит Билал, как, землю разминая,
К траншее узкой медленно идет
Машина многотонная стальная,
Угрюмый броненосный самоход.

Крестом когтистым черный танк украшен.
Под ним дороги корчились в пыли.
Ужели лягут тени этих башен
На тело нашей матери-земли?

Так что ж, бежать?
Раздавит и пройдет.
Таясь, лежать?
Покатится вперед

Всей сталью плит,
Колес и гусениц,

Чтоб кровь пролить,
Чтоб слезы полились. . .

. . . И тут Билал увидел вдруг,
Как из окопа кто-то вылез,
Винтовку выронил из рук,
Глаза от страха округлились.

Он бледен, он белей стены,
Дрожит, руками в воздух тыча, —
Нет, он не сын родной страны,
Он жалкой трусости добыча!

Он точно призрак мертвеца,
Он тень своей постылой смерти.
Сильны солдатские сердца,
Они предательства не стерпят!

Билал подумал: «Я смогу ль
Стерпеть? Нет, вытравить заразу!»
Он выстрелил. Но десять пуль
Пронзили сердце труса сразу.

Свинец из десяти стволов,
Дымков белеющая стая. . .
Да, здесь не нужно лишних слов,
То кара родины простая.

Свалился трус. Свалился в прах.
Он мертв, ему пощады нету;
Казалось, собственный свой страх
Убил Билал в минуту эту. . .

Удобного мгновенья ждет Билал,
Чтоб черный вихрь металла
Не поразил его. . . Теперь пора!
Оно уже настало!

Привстал боец. Схватиться он готов
С машиною стальною.
Все ближе танк, но сердце не дрожит,
Оно готово к бою.

Билал стоит. Он, словно богатырь,
С землей родимой сросся, —
Ведь для него шумят ее леса
И шелестят колосья.

Он размахнулся. Гневом он объят.
Тот гнев не уместится
В груди, так пусть он связкою гранат
Летит под гусеницы!

Раздался взрыв. Земля потрясена,
Окоп окутан дымом,
Но чудище еще ползет. . . Ужель
Осталось невредимым?

Ужель не меток был боец Билал
Иль силы не хватило?
Ужели будет танк ползти вперед,
Терзая край наш милый?

Но вот завыл и завертелся танк,
Угрюм и безобразен,

И, словно кожа с гадины змеи,
Сползают цепи наземь. . .

Он вправо накрывается чуть-чуть,
Он дернулся и замер.
— Теперь вам больше не открыть огня,
В огне сгорите сами!

Вскарабкавшись на дымную броню,
Стуча в нее прикладом:
— Слезай, приехали! — кричит Билал. —
Давно обедать надо. . .

Эй, гость незванный! Каша не густа
У вас в фашистском войске.
Так вылезай скорее — и тебя
Мы угостим по-свойски!

В броню прикладом постучал Вадим,
Но изнутри — ни звука,
И вдруг боец услышал громкий лязг
Открывшегося люка.

Оттуда друг за другом, как ужи,
Танкисты выползают.
Они пришли, чтоб нас поработить,
Они страну терзают!

Вадим Белов под самый вражий танк
Швыряет три гранаты.
Раздались взрывы. Вздогнула броня,
Заглох мотор проклятый.

ТАНК НАД ОКОПОМ БИЛАЛА

Но пока Билал и Вадим вдвоем
Расправлялись с танком врага,
Много новых машин показалось вблизи.
Не стихала огня пурга!

Друг за другом ползут они, сея огонь,
Громыкая, смердя, рыча.
Многотонная тяжесть на узкий окоп
Навалилась, легла, горяча. . .

Едким дымом траншея наполнилась вся,
Темной сталью оделась высь,
Яркий солнечный день почернел, как ночь,
Но в мозгу не померкла мысль:

«Неужели я выполнить долг не смогу,
Отомстить врагу не решусь?
Неужели я в тесном окопе своем
Пропаду, как последний трус?»

Переполз траншеею тяжелый танк.
Встал, пошатываясь, Билал
И, бутылку с горючей смесью схватив,
Вслед машине ее послал.

И машину смерти окутал дым,
И туманом оделся простор.
Побежали вверх языки огня,
Запылал, загорелся мотор.

— Молодец! — кричит Билалу Вадим. —
Пусть они убивать мастаки,
Пусть беснуются, — Гитлера угомоним,
Обломаем ему клыки!

«Думал, мы тебе поднесем хлеб-соль,
На колени падем пред тобой?
Только нет в России таких людей,
Мы еще разочтемся, постой!»

Так решил Билал. И увидел он,
Как машины идут, пыля;
И в груди у бойца нарастает гнев,
И горит и дымится земля.

Но ее умертвить не сумеет враг!
Землю взрыв потряс — и Билал
На угрюмый дерн, на окопа край,
Обливаясь кровью, упал. . .

. . . До вечера гремел жестокий бой,
Ряды бойцов отважных поредели,
Немало их в сражение полегло
За честь отчизны, милой с колыбели.

Всю кровь до капли отдали они
За родину и за ее победу:
Они в штыки ходили на врага,
Их ярость в битве подлый враг изведаль.

И, не жалея юности своей,
Во имя человечества сражаясь,
Они, гранаты крепко сжав в руках,
Под танки многотонные бросались.

И перед смертью, взоры обратив
К любимому отцу, в бою суровом
Шептали имя славное его —
И это было их последним словом!

А кто остался жив, не отступил,
Хотя и был в тяжелой битве ранен.
Враг отошел, прорваться не сумев.
Настала тишина на поле брани.

ВАДИМ УХОДИТ НА ПОИСКИ...

Солдаты перевязывают раны,
У бруствера присел Вадим Белов;
Неподалеку, пламенем багряным
Одеты, танки, словно куча дров.

Их алчные водители мечтали
Нас удушить, стереть, зажать в кольцо,
Но в смертный час сквозь щели увидали
Они солдата русского лицо.

Им слишком долго было неизвестно,
Что велика, грозна России месть,
Что на земле советской нет им места,
А под землей зато им место есть!

Над степью голою, пропахшей гарью,
Повис заката обагрённый стяг...
Вадим молчит, разматывая марлю,
Кровь на руках его и на щеках.

Потом глядит он на солдат бывалых,
Товарищей, оставшихся в живых,
Глазами жадно ищет он Билала,
Но не видать джигита среди них.

У ротного он просит разрешенья
Идти искать пропавшего бойца,
Туда, где полыхал огонь сраженья,
Где встали насмерть русские сердца.

Темно, но скоро солнце встанет ало
И свет зари поднимется багров.
Искать солдата — храброго Билала
Идет другой солдат — Вадим Белов.

Кипела от восхода до заката
На этом поле смертная борьба...
Не здесь ли яблони цвели когда-то
И поднимались пышные хлеба?

Вот и окоп. Вадим прилег, с ним рядом
Лежит боец — он на спину упал,
И, мрак ночной пронзая зорким взглядом,
Узнал Вадим, что перед ним Билал.

Он без сознания. Еле-еле дышит,
И вот Вадим к его груди приник,
Сердцебиенье слабое он слышит:
Жив богатырь! Не сломлен фронтовик!

— Солдат, ответь мне, что с тобой случилось?
Коль жив, солдат, так поднимись и встань!
Ведь ты терпел, когда и сталь крошилась,
Выдерживал, когда сгибалась сталь...

Куда ты ранен, что тебя свалило?
Никак на ощупь раны не найду...
Как мне вернуть тебе былую силу?
Я руку на сердце тебе кладу.

Сквозь пелену доносится к Билалу
Знакомый голос — это он, Вадим!
Опять спасает друга, как бывало,
Хороший друг. Хвала друзьям таким!

Знакомый голос в сердце проникает,
Как солнца луч, как приказанье — жить,
Как песня человечная, такая,
Что все недуги может исцелить.

Он открывает очи — сотни звездных
Больших огней пронзают небо вдруг...
Каким огнем одет прозрачный воздух,
Какое счастье — знать, что рядом друг!

Билал рукой, зубами скрипнув, двинул,
Вадим взглянул с заботой на него.

Поняв, о чем тот просит, флягу вынул
И напоил он друга своего.

Сырым платком отер лицо солдата.
— Билал... родной мой, — прошептал любя.
Для нас, бойцов, законы дружбы святы.
Солдат спасенный приходил в себя.

Промолвил он: — Вадим, голубчик, ты ли?
Меня нашел ты? Но ведь ночь темна... —
Вадим в ответ: — Ни ночь, ни бури крылья —
Ничто для дружбы, коль она верна!

Друзья такие познаются в горе,
А не на свадьбе, под бокалов звон;
Идти в огонь с решимостью во взоре,
Спасая друга, — это наш закон!

Взлетают к небу яркие ракеты,
Сторожкую расцвечивая тьму.
Своим бинтом товарищ поделился,
Склонясь к Билалу, он помог ему.

Билал теряет иногда сознание,
Потом в себя приходит он опять
И чувствует спокойных рук касанье,
Не устающих рану бинтовать.

Нет, не окровавленными бинтами,
А силой сердца спас Билала друг!
Хотелось это выразить словами
Билалу, но солдат забылся вдруг.

НЕ БРОСИЛ ТОВАРИЩА...

Думает Вадим: «Пора в дорогу,
Скоро сгинет ночи пелена,
Дел немало переделать надо,
Праздник впереди, сейчас война...»

Сильными солдатскими руками
Оторвал Билала от земли.
Тяжело идти с такою ношей,
Труден путь, но сердце так велит!

Ускоряет он шаги и слышит
Щорох, или шепот, или шум,
Может, шелест листьев. Но Вадиму
Разное приходит тут на ум.

Быть может, это за кустом
Враг шевелится?
Быть может, оземь бьет крылом
Ночная птица?

Иль, может, то, оторопев,
Стрельбы пугаясь,
Шмыгает посреди степей
Трусливый заяц?

Иль это раненый ползет,
Ползет и стонет?
Но он родную часть найдет,
Друзей догонит!

Иль это враг,
Скрывая страх,
Проходит мимо,
Чтоб в тыл зайти
И вновь уйти
Неуловимо,

Чтоб все секреты разузнать,
Все тайны вызнать
Для тех, кто хочет растоптать
Мою отчизну?

. . . . .

Вадим глядит в ночную тьму,
Ночь, как смола, густа.
Перед собою в двух шагах
Не различить куста.

Вадим глядит в ночную тьму,
Тревожно одному.
Куда и по какой тропе
Теперь идти ему?

Здесь поле боя, здесь идет
Великая борьба,
Твоей земли, твоих детей
Решается судьба.

. . . . .

Сомнения нет,
Идут враги,
И тишине конец.
Слова чужого языка
Услышал вдруг боец.

Куда пойдет боец Вадим?
Ведь не видать ни зги.
В какую сторону теперь
Направит он шаги?

И честь и совесть в нем живут,
Они ему велят:
В час трудный друга не бросай,
Держись прямой, солдат!

Вадим товарища несет.
Святой закон у нас:
Не оставлять друзей в беде
В тяжелый, горький час!

КИНЖАЛ С СЕРЕБРЯНОЙ РУКОЯТКОЙ

Вадим воронку отыскал —
Окапываться поздно, —
И вражья бомба иногда
Бойцу приносит пользу.

Враг бесновался целый день:
Убить «Ивана» надо!
Тебя, Вадим, тебя, Билал,
И всех, кто с вами рядом.

Стоял над ними мрачный гул
Враждебных эскадрилий,
Родную землю исхлестал
Осколков черный ливень.

Не умерли богатыри,
Хоть их убить хотели...
Воронки — тысячами ран
На исполинском теле...

Воронка в поле для тебя
Становится окопом,
Земля ведь наша — мы ее
Своим вспоили потом!

Ну что ж, воронка хороша,
Копать окоп уж поздно, —
И вражья бомба иногда
Бойцу приносит пользу.

...Вадим увидел, что враги
Вблизи, почти что рядом.
Когда бы мог он их скосить,
Не дать бы им пощады!

Один? Так что же? А Москва,
А мощь родного края,
А вождь, что на посту всегда,
А партия стальная?

Страна в шинели боевой,
Она всегда с тобою.
Воронка — это твой рубеж.
Победу вырви с боя!

Пока клокочет в жилах кровь.
Рази врага без страха,

Свали — пусть станет мертвецом,
Пусть станет горстью праха!

Поднялись немцы в полный рост,
Увидели солдата,
Но тут по ним хватил Вадим
Свинцом из автомата.

Потом он в скопище врагов
С плеча гранату мечет;
Ее осколки чужаков
Карают и увечат. . .

Вот чей-то стон, вот чей-то крик,
Вот кто-то взвыл от боли. . .
Бегут, бегут они, топча
Немереное поле!

Но за спиной к нему подполз
Солдат — детина ражий.
— А, обмануть меня хотел!
Постой, ублюдок вражий!

Ты волк, змея, охотник — я.
Я не стреляю мимо,
И в выстрел вкладываю я
Свой гнев неукротимый.

И очередь дает Вадим,
И вот окровавленный
Фашистский падает солдат,
Его свинцом сраженный.

Что ж, ладно, одного скосил,
Не то еще бывало!
Он чувствует, что новых сил
Прибавилось немало.

Да, он нанес врагам урон,
Но всех ему не срезать, —
Вот два фашиста с двух сторон
В его воронку лезут.

Свалил прикладом одного
Вадим, исполнен гнева,
Но тут подполз к нему другой
И навалился слева.

Бойца схватил за горло враг,
Набросился с нахрапа:
Он хочет рот ему заткнуть,
Забить вонючим кляпом!

Уж враг Вадиму горло сжал —
В тиски попала шея.
Но вдруг блеснул стальной кинжал
На поясе злодея.

— Ты хочешь «языка» достать?
Моя, мол, песня спета.
Меня к земле решил прижать? . .
Э, нет, не выйдет это!

Висит эсэсовский кинжал,
Нож палача народов.

В руках убийцы не дрожал
Кинжал в былые годы.

Где силы смог товарищ взять?
Вадим кинжал хватает
И в грудь врага по рукоять
Стальной клинок вонзает.

Чтоб сотням женщин не рыдать,
Кляня судьбину вдовью,
Серебряную рукоять
Вадим забрызгал кровью.

Он встал. Он дышит тяжело,
Едва стоит, усталый,
Зато лицо его светло,
Как будто солнце встало. . .

Затем, что друга защитил
Вадим в бою кровавом,
Затем, что он не уронил
Своей солдатской славы! . .

Долетели до Вадима
В миг, когда он поднялся,
Шум шагов неутомимый,
Пехотинцев голоса.

Рассвело. Идут солдаты.
Да! Бойцы пришли за ним.
Полный радостью расплаты,
Громко закричал Вадим.

Подняли с земли Билала
Руки верные друзей.
Солнце красное вставало,
Становилось все светлей.

В госпиталь бойца доставят,
Раны скоро заживут,
И солдаты к новой славе,
К новым подвигам пойдут.

Вновь пойдут они с оружием
В путь, под знаменем полка.
Нет верней солдатской дружбы,
Дружба славная крепка!

* * *

Рассказ мой близится к концу,
Но длинный путь не завершен.
Над ним еще свистеть свинцу,
Еще шуршать шелкам знамен.

Еще идти друзьям моим,
Еще шагать им вновь и вновь
Через лесных пожаров дым
И реки быстрые, как кровь.

По пепелищам им идти,
Идти в степях, топча полынь,
Людей спасая по пути,
С рабов снимая кандалы.

Еще идти моим друзьям
Десятком стран сквозь битвы дни,
Пока наш флаг не водрузят
Над вражьим логовом они.

Повержен наземь будет враг,
Закончат войны поход,
И над рейхстагом алый флаг
Как знамя мира расцветет!

Придет победа! И тогда
Настанет праздник золотой,
Тогда для мира и труда
Вернутся воины домой.

ЭПИЛОГ

Я дружбу верную пою,
О ней слагаю песнь мою,
В бою и в трудовом строю
Я дружбу светлую пою.

О дружбе будем петь, друзья!
Союз народов нерушим,
Мы вместе все — и нам нельзя
Идти вразброд, путем иным.

О дружбе песню мой народ
Певал во мгле былых времен,

И эту песню внукам, нам,
Оставил в назиданье он:

«Э-эй. . .

Чтобы проехать через лес дремучий,
Запрячь хороших надобно коней.
Не близок путь, заткали небо тучи.
И жить на свете трудно без друзей!

Пусть будет друг твой верным и суровым,
Пусть он с тобой разделит хлеб и соль,
Чтоб друг за друга были вы готовы
Пойти в огонь, принять и смерть и боль.

Не собирайся в путь один, без друга.
Пусть встанет в небе светлая звезда,
Пусть проведет тебя сквозь ночь и вьюгу —
И всех врагов осилишь ты тогда!

В густом лесу, над водами Идели,
Запела птичья вольная семья.
Не одинок я в горе и весельи,
Есть у меня надежные друзья! . . .»

Та песня истине верна,
Глухой пропетая порою,
Сегодня, в жизнь воплощена,
Она сияет предо мною.

Она спокойна и горда.
И никогда мы ей не чужды.
В моей стране, стране труда,
Сверкает песня вечной дружбы.

Все, что велит она, сверши!
Она в труде, в сияньи неба
И в разделенном от души
Ржаном и теплом ломте хлеба.

Та песня — в ленинских томах,
В колхозных золотых раздольях.
Наш новый день в ее словах
Пылает светлою звездою.

Она рубинами Кремля
Московский озаряет вечер,
Надежду светлую суля
Для всех народов и наречий.

О дружба! Мы всегда, везде
Ее родным огнем согреты.
Есть в нашем радостном труде
Сиянье светлой дружбы этой!

Мы с ней, великой, отстоим
Мир на земле, всем людям милой,
Чтоб не страдать друзьям моим,
Чтоб только счастье им светило.

Не за нее ли шли мы в бой
И спали под одной шинелью,
Одной одушевлялись целью
И меткой славились стрельбой!

Мы с нею шли в огонь и тьму,
И нету этой дружбы краше.

Мы не позволим никому
Топтать родную землю нашу.

Ее знамена развернув,
Шагали в грохоте походов,
В бой за великую весну,
За вечный мир для всех народов.

Над миром счастья и труда
Встает рубиновое пламя —
То путеводная звезда,
Звезда Кремля горит над нами!

1948—1949

СОДЕРЖАНИЕ

«Золотой колос». Перевод К. Ваншенкина и Е. Винокурова	3
Светлая звезда. Перевод Вл. Луговского	89

КАРИМ ХАНИФ КАРИМОВИЧ
ДВЕ ПОЭМЫ

Редактор *Н. Н. Сидоренко*

Художник *С. П. Чахерьян* Худож. редактор *В. И. Морозов*
Техн. редактор *В. Г. Комм.* Корректор *А. М. Мискарьянц*

Сдано в набор 18/II 1955 г. Подписано в печать 28/III 1955 г.
А 00582 70 × 105/32. Печ. л. 3' 0 (5.31). Уч.-изд. л. 4,16. Тираж 5000.
Зак. № 252. Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Советский писатель»
Москва, К-104, Б. Гнезниковский пер., д. № 10

Типография № 3 Управления Культуры Ленгорисполкома
Ленинград, Красная ул., 1/3

2 p. 60 K.

G

A

P

M

P

I

M

P

O